Семенова Екатерина Юрьевна

ВОЕННОПЛЕННЫЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 107-110. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Такое положение обусловлено:

1) тождественностью юридической природы концертных услуг и услуг частной охраны;

2) предметом договора (защита жизни и здоровья участников концертных услуг, охрана их имущества, проектированием и монтажом средств пожарно-охранной сигнализации на объектах оказания концертных услуг, обеспечением порядка при проведении массовых мероприятий, вызванных оказанием концертных услуг;

3) комплексным характером правового регулирования услуг частной охранной деятельности и другими аргументами [3, с. 167-264].

Автор понимает, что в настоящей статье невозможно ответить и разрешить все вопросы, связанные с совершенствованием возмездного оказания концертных услуг, роль которых в современных условиях стремительно возрастает.

Решение изложенных и других проблем обязательственных отношений в изучаемой сфере являются для автора перспективной темой дальнейших исследований.

Список литературы

1. **Медведев Д. А.** Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. № 230.
2. **О федеральной целевой программе «Культура России (2006-2010 годы)»**: Пост. Правительства РФ от 8 декабря 2005 г. № 740: в ред. Пост. Правительства от 14 января 2009 г. № 23 // Свод законов РФ. 2005. № 51. Ст. 5528; 2007. № 25. Ст. 3041; 2008. № 2. Ст. 96.
3. **Севостьянов М. В., Шаронов С. А.** Гражданско-правовое регулирование концертных услуг и охрана прав их участников: монография. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. 300 с.

УДК 94(481).081

Екатерина Юрьевна Семенова
Самарский государственный технический университет

ВОЕННОПЛЕННЫЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©

В начале Первой мировой войны правительством России были разработаны постановления, касающиеся пребывания военнопленных на территории страны. 26 июля 1914 г. от МВД на имя губернаторов поступили телеграммы, с сообщением, что военнопленными считаются все германские и австро–венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе и запасные чины [5, ф. 76, оп. 1, д. 1107, л. 7]. 29 июля местных руководителей уведомили о том, что все австрийские и германские подданные мужского пола 18-45 лет считаются военнопленными [Там же, л. 9]. Военнопленные подлежали высылке из западных прифронтовых районов страны, размещению на указанных территориях.

Пребывание военнопленных в городах Поволжья в годы Первой мировой войны было связано с нахождением в данных районах к августу 1914 г. лиц, попадающих в указанную категорию, перемещением их из западных регионов страны на восток по железной дороге и речным магистралям, на которых поволжские города занимали положение узловых станций и речных портов. Количество военнопленных, прибывавших в поволжские города, в годы войны было значительным. Например, в Казанской губернии к 1 ноября 1915 г. их насчитывалось 8835 (с Тетюшинским уездом), в том числе в Казани – 4507, Лаишеве – 422, Мамадыше – 296, Свияжске – 117, Тетюшах (с уездом) – 255, Цивильске – 11, Царевококшайске – 23, Чистополе – 2787, Чебоксарах – 312, Ядринске – 82, Спасске – 23 [4, ф. 1, оп. 6, д. 1160, л. 47].

Состав и численность военнопленных, размещенных на территории поволжских городов, постоянно менялись, поскольку прибывающие в конкретный пункт военнопленные затем переправлялись в другие города или в сельские поселения.

Например, в Казанской губернии 20 марта 1915 г. через г. Свияжск в г. Тетюши проследовали 400 австрийцев, в июле 1915 г. в г. Спасск прибыло несколько партий военнопленных, в том числе 14 июля – 100 человек из г. Тетюшей, 20 июля – 162 из г. Казани [Там же, ф. 199, оп. 1, д. 1091, л. 64–75; оп. 2, д. 1568, л. 23]. Даже в губернском городе их количество динамично изменялось. К 1 октября 1916 г. в Казани размещались 1101 военнопленный, к 1 ноября – 1065, а к 1 января 1917 г. – 3222 [Там же, ф. 1, оп. 6, д. 1318, л. 15, 118, 338]. В Самарской губернии в феврале 1915 г. в г. Николаевск прибыли 1450 военнопленных, а из г. Николаевска в г. Балаково были переправлены 637 [3, ф. 468, оп. 1, д. 2065-а, л. 79, 101, 105]. В губернском городе Нижегородской губернии к 7 января 1916 г. находились 1275 военнопленных, к 8 февраля – 245, к 16 февраля – 958 [1, ф. 2393, оп. 1, д. 1, л. 20, 46, 54].

© Семенова Е. Ю., 2010

Военнопленных – рядовых часто размещали на частных квартирах, в других свободных помещениях, а офицеров – на квартирах и в гостиницах. Так, в Самарской губернии 25 января 1915 г. в г. Бугульму было доставлено 946 австрийцев. Рядовых поселили на квартиры к обывателям, а офицеров в номерах Рыжакова. Прибывших в январе в г. Бугуруслан 590 военнопленных австрийцев, в апреле в г. Бугульму 360 военнопленных и 600 - в г. Бугуруслан разместили по домам «обывателей» [3, ф. 468, оп. 1, д. 2065-а, л. 56, 57, 357, 358]. Переправленных в начале февраля в г. Мелекес 255 военнопленных австрийцев - нижних чинов поселили в здании пивоваренного завода Богутинского, а офицеров – в номерах Горшковой [Там же, л. 78, 314]. В Симбирской губернии в феврале 1915 г. были поселены на частных квартирах несколько десятков только офицеров – военнопленных, в том числе 28 – в Симбирске, 15 – в Сызрани, 13 – в Алатыре, 4 – в Карсуне [5, ф. 76, оп. 7, д. 1401, л. 26, 28].

Наплыв значительного количества военнопленных в города создавал сложности с их размещением. Симбирский губернатор А. Ключарев в феврале 1915 г. вынужден был телеграфировать правлению Московско–Казанской железной дороги: «Ввиду крайняго переполнения тюрем частных квартир военнообязанными и военнопленными прошу правление разрешить оставлять такие партии… несколько дней тех вагонах коих они прибывают» [Там же, л. 39].

В лазареты поволжских городов поступали военнопленные, нуждающиеся в лечении. Так, в начале марта в Брест–Литовский крепостной временный госпиталь в Нижнем Новгороде, были доставлены 1000 карточек для регистрации прибывающих на лечение военнопленных, а уже 31 марта получено еще 600 регистрационных карточек [1, ф. 1877, оп. 716, д. 12, л. 30, 171]. В апреле в Сводный эвакуационный госпиталь в Нижний Новгород направили 177 военнопленных. К 3 мая в сводном эвакуационном госпитале Нижнего Новгорода находились 197 больных военнопленных, а к 1 августа - 404 [Там же, л. 206, 257, 420].

Национальный состав военнопленных был пестрым. Например, среди доставленных в г. Чистополь Казанской губернии в мае–июне 1915 г. 2228 военнопленных значились чехи, итальянцы, хорваты, поляки, русины, словенцы, сербы, немцы, мадьяры [4, ф. 199, оп. 2, д. 1570, л. 1, 8]. На территорию Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов Симбирской губернии в январе-феврале 1915 г. прибыли 2084 пленных австрийцев и 399 военнопленных турок.

Правительственные указы определяли условия содержания военнопленных. Согласно постановлениям от 31 мая и 29 июня 1915 г. на обеспечение, например, нижних чинов следовало выделять 2 фунта крупы и 24 золотника «приварочного довольствия», ¼ фунта мяса баранины, свинины или рыбы, с учетом 2-х разового питания в неделю постной пищей, 2,5 коп. на «приварочные припасы», а также 15 коп. в месяц на хозяйственные нужды и «чайное довольствие» [2, ф. 290, оп. 2, д. 415–а, л. 9].

Правила содержания пленных на промышленных предприятиях обязывали обеспечивать их питанием лучшим, чем питание русских рабочих на аналогичных производствах [5, ф. 195, оп. 1, д. 921, л. 38 об.].

Российское правительство предполагало возможность участия военнопленных в работах на объектах промышленности и сельского хозяйства, определило порядок их приема и правила оплаты труда. 10 февраля 1915 г. Отдел сельской экономии и сельско-хозяйственной статистики отправил на рассмотрение Совета Министров проект правил об отпуске военнопленных на сельско-хозяйственные работы [4, ф. 419, оп. 1, д. 1296, л. 21–23]. 17 марта 1915 г. Совет Министров утвердил «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», согласно которому количество военнопленных не должно было превышать 15% от штата рабочих данного предприятия [Там же, ф. 1153, оп. 1, д. 422, л. 2].

На местах муниципальные власти и предприниматели пытались использовать правительственные постановления в собственных интересах. Так, например, старший фабричный инспектор Симбирской губернии А. Чирков, ссылаясь на закон от 17 марта 1915 г. об отпуске военнопленных для работ в частные промышленные заведения и циркуляры от 12 мая и 26 октября 1916 г., сообщал управляющим промышленными заведениями губернии, что плата за работу пленным должна устанавливаться «согласно существующим местным ценам для каждой категории работ», ее следует указывать в расчетной книжке и выдавать на руки. Отмечая, что имеются сведения о расчете с пленными по заниженным тарифам, инспектор указывал, что «такое положение, помимо его неправомерности, представляется недопустимым потому, что оно ставит в неодинаковые условия предприятия, пользующиеся трудом пленных, создавая менее выгодное положение для тех, которыя являются более добросовестными в отношении труда» [5, ф. 195, оп. 1, д. 921, л. 82].

Труд военнопленных в годы Первой мировой войны использовался как местными властями, так и частными предпринимателями, и просто частными лицами в городах Поволжья. Например, в январе 1916 г. на 20 предприятиях в пяти городах Симбирской губернии работали 1345 военнопленных, а в декабре на 11 предприятиях в четырех городах губернии - 395 [Там же, л. 1-2, 85-86].

В Нижегородской губернии к 1 февраля 1917 г. 33 военнопленных работали на городское хозяйство в г. Балахне, в июле - 22 на льнопрядильной фабрике Торгового дома Турбанской, к ноябрю - 20 в Товариществе Перекопских химических заводов обработки дерева [1, ф. 73, оп. 21, д. 418, л. 23; ф. 457, оп. 324, д. 234, л. 2, 9]. В Казани в октябре 1916 г. на общественных работах были заняты 258 военнопленных в ведомстве Казанской земской управы, 623 - Казанской городской управы и 2460 человек работали в 150 местах у частных лиц [4, ф. 1, оп. 6, д. 1318, л. 2–4]. В Свияжске на работах в октябре 1916 г. находились 5 военнопленных [Там же, л. 13]. К 11 марта 1917 г. на поденных работах в Астрахани трудились 679 военнопленных, причем 356 из них было решено оставить в городе и после начала полевых работ.

Военнопленные были прикреплены к 47 различным заведениям, в том числе в Союзу помощи больным и раненым воинам, часовой мастерской Фишкина, садоводству Господчикова, заводам Керамик, Нобеля и Сундукова, Астраханскому холодильнику, Комитету Марии Павловны и другим. Часть военнопленных трудились без разрешения штаба округа [2, ф. 1093, оп. 1, д. 30, л. 9–10]. Совет Астраханского общества Садоводства, огородничества и полеводства даже направил Астраханскому Исполнительному Комитету (АИК) 17 марта 1917 г. ходатайство, в котором говорилось, что «садоводы и огородники города Астрахани… обращаются… с просьбой… об оставлении их хозяйствах военно–пленных, мотивируя тем, что при взятии военно–пленных из хозяйств, последние за отсутствием рабочих рук, частью совершенно должны прекратить огородное дело, частью сильно сократить возделываемые площади» [Там же, л. 18].

Исполнительный Комитет по заведыванию Мастерскими Комитета по снабжению одеждой вольного образца больных и раненых воинов 24 марта 1917 г. обратился в АИК с ходатайством оставить в мастерских всех 30 мастеровых военнопленных и «не забирать никого для отправки на полевые работы» [Там же, л. 33]. Телеграммой Военному Министру от 26 марта 1917 г. № 261 и дублирующей телеграммой № 262 Казанскому командующему войсками АИК, Председатель Губернского Земства, Начальник Управления земледелия по Астраханский губернии просили оставить военнопленных, которых собирались перевезти в другие губернии, в Астраханской губернии [Там же, л. 36]. От фабрично–торгового товарищества братьев Крестовниковых в г. Казани в апреле 1915 г. поступило ходатайство в фабричную инспекцию об отпуске 1800–2000 военнопленных для работы на предприятие, хотя, согласно министерскому постановлению, следовало принять не более 100 человек.

В мае 1915 г. казанский цеховой В. Г. Шабанов подал прошение об отпуске 30 военнопленных на работы в сапожно–раскройную мастерскую, где постоянно трудились 60-80 рабочих, а значит можно было принять не более 12 военнопленных [4, ф. 1153, оп. 1, д. 422, л. 2, 12].

Отношение городского населения Поволжья к военнопленным в годы войны менялось, не было одинаковым на территории разных населенных пунктов. В начальный период войны в ряде городов население восприняло появление военнопленных сочувственно, отнеслось к ним с состраданием, проявило заботу. Привлечение военнопленных к труду рассматривалось как полезная мера, обеспечивающая их содержание. Подобное отношение к военнопленным сохранялось и в 1916 г. Так, характеризуя настроения населения Симбирской губернии за февраль 1915 г., начальник губернского жандармского управления (ГЖУ) отмечал: «Население к проживающим в разных городах… губернии военно – пленным относится отзывчиво, приносит пищу и лакомства и ни каких враждебных действий не проявляет» [5, ф. 76, оп. 7, д. 1422, л. 36].

В январе 1916 г. унтер–офицер дополнительного штата Симбирского ГЖУ, докладывая о настроениях жителей г. Буинска, сообщал: «К военнопленным и обязанным население все относится хорошо, даже жалеют, что они живут в разлуке с своими семействами… по отношению принудительных работ пленных, противнаго не чего не имеют, а считают это полезным, что работая на сельскохозяйственных и земских работах, они оплачивают их содержание» [Там же, ф. 855, оп. 1, д. 1325, л. 15–16]. Помощник начальника ГЖУ в Алатырском, Ардатовском и Курмышском уездах в феврале 1916 г. также сообщал, что к высланным военнопленным и военнообязанным население относится сердечно, особенно в г. Ардатове, где первое время им помогали пищей. Горожане даже возмущались тем, что военное начальство не кормило военнопленных несколько дней [Там же, л. 35-37].

Однако проблемы, вызванные войной, прежде всего недостаток финансовых средств и ограничение потребляемого продовольствия на основе введения «мясопутных» дней, а затем нормированного ввоза продовольствия в города, в ряде населенных пунктов послужили основой негативного отношения горожан к военнопленным. В них стали видеть источник дополнительных затрат и конкурентов, отбирающих у местных жителей возможность получения дохода. Так, характеризуя настроения городского населения Казанской губернии в июне 1915 г., агент ГЖУ «ИКСА» сообщил, что для простонародья основным вопросом является дороговизна, которой люди недовольны, и виновными в создавшейся ситуации считают немцев, полагая, что из–за них сократилось количество рабочих рук, продовольствия, возникла спекуляция, поскольку пленные «как саранча уничтожили наши запасы». Агент констатировал, что «ненависть к воюющим державам и их пленным, проживающим у нас, достигла больших размеров» [4, ф. 199, оп. 1, д. 1063, л. 11–18].

Рапортуя о настроениях городского населения Казанской губернии в ноябре–декабре 1915 г., унтер–офицеры дополнительного штата ГЖУ и помощники начальника ГЖУ сообщали, что в двух городах, Свияжске и Ядринске, к немцам-военнопленным отношение общества сочувственное, хорошее, а в других, Цивильске, Тетюшах, Чистополе, Мамадыше - враждебное и презрительное [Там же, оп. 2, д. 1553, л. 12, 15–62; д. 1554, л. 11–59, 62–85]. В Астраханской губернии уездный исправник, докладывая о настроении населения г. Енотаевска в декабре 1915 г., писал: «Отношение… к… военно–пленным хорошее…Что касается военно–обязанных, то... в массе, население по отношению их ничего не имеет, за исключением некоторых отдельных лиц считающих их виновниками вздорожания жизни в пунктах их водворения» [2, ф. 1, оп. 9, д. 1318, л. 6]. Указывая перемены в настроениях горожан Симбирской губернии в сентябре 1916 г., начальник ГЖУ отметил, что население к военнопленным стало безразлично [5, ф. 76, оп. 7, д. 1488, л. 119-120].

Таким образом, пребывание военнопленных на территории Поволжья в годы Первой мировой войны следует рассматривать как значимый фактор в формировании городской среды. Их нахождение в городах меняло демографическую картину количественного и национального состава населения, вызывало проблему переполненности городской территории и помещений, оказало влияние на мировоззрение городского социума. Последний аспект многогранен, поскольку отношение горожан к военнопленным включало такие проявления, как сочувствие, сострадание, оказание помощи, как людям, в результате войны попавшим в сложную ситуацию. Военнопленные были полезны как свободные рабочие руки, обеспечивающие для местной администрации и предпринимателей выполнение ряда работ. С другой стороны, в военнопленных, прежде всего рабочие и не имеющие запасов продовольствия «обыватели», видели угрозу своему материальному «благополучию», считая их конкурентами в получении работы и провианта.

Список источников

1. Государственное учреждение Центральный архив Новгородской области.
2. Государственное учреждение Астраханской области «Государственный архив Астраханской области».
3. Государственное учреждение Самарской области «Центральный Государственный архив Самарской области».
4. Национальный архив Республики Татарстан.
5. Областное государственное учреждение «Государственный архив Ульяновской области».

УДК 347.218.3

Александр Анатольевич Скобелин
Пензенский государственный университет

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ЗАЩИТЕ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ©

Конституционный принцип правового государства возлагает на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, что предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 1, ст. 2, 17, 18, ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации).

Правосудие как важнейший элемент данного правопорядка по самой своей сути является таковым, если обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах.

Поскольку теоретические аспекты ограничения прав граждан недостаточно проработаны, "существенную нагрузку по разработке доктрины действующего права берут на себя суды. Статья 46 Конституции РФ закрепила важные демократические начала, гарантирующие судебную защиту права частной собственности, и тем самым значительно повысила роль суда, которую он должен играть в обществе и государстве, возложив на него важную задачу по защите прав и свобод человека.

Конституционное право на судебную защиту частной собственности представляет собой, с одной стороны, неотъемлемое право каждого гражданина обратиться в судебные органы при возникшем нарушении его права частной собственности, а с другой - обязанность государства реализовать его конституционное право посредством обеспечения эффективной защиты судебными органами, а также восстановить нарушенное право путем вынесения законного и обоснованного решения.

Объектом конституционно-правовой защиты частной собственности является само отношение частной собственности, являющееся одним из элементов основ конституционного строя Российской Федерации. Результат защиты формируется в ходе правоприменительной деятельности органов судебной власти, которые являются основными субъектами конституционной защиты права частной собственности.

Опыт защиты прав, накопленный российским правосудием за тот недолгий период, в течение которого оно имеет статус полноценной ветви власти в системе разделения властей, нуждается в теоретическом осмыслении с точки зрения разработки на его основе современной правовой доктрины [2]. Особое значение при изучении судебной практики имеют правовые позиции Конституционного суда РФ, поскольку именно они восполняют пробелы в доктринальном осмыслении положений Конституции РФ. Содержание права собственности определяется правомочиями владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Существенной чертой характеристики субъективного права собственности являются правовые ограничения, без которых право будет неполным. Это связано прежде всего с тем, что ограничения являются составным элементом любого правового режима и право собственности не является ограничением. В этих условиях показатель ограничения можно рассматривать как внутреннюю характеристику определенного правомочия.

© Скобелин А. А., 2010